

Ирэн Роздобудько

**Двенадцать,
или Воспитание женщины
в условиях, непригодных
для жизни.**

**Увядавшие цветы
выбрасывают**

Харьков
«ФОЛИО»
2014

«Роман — не авторская исповедь, а исследование того, чем является человеческая жизнь в той ловушке, в какую превратился мир».

«Во вселенной существует планета, где все люди рождаются во второй раз. При этом они полностью осознают свою жизнь, проведенную на Земле, и весь приобретенный там опыт».

Милан Кундера

«Невыносимая легкость бытия»

1

...Я выхожу в сумрачное морозное утро — будто ныряю в противную мутную и холодную воду. Включаю автопилот. И просто пытаюсь достаточно четко переставлять ноги. Чтобы идти. Вдоль домов. По аллее промерзших деревьев. К остановке. Я вставляю в уши наушники и надеваю на нос солнцезащитные очки, хотя солнца нет уже недели две. Просто мне не хочется смотреть на мир. Надеюсь, он ко мне тоже равнодушен. И поэтому он время от времени переворачивается и выливает на меня всю свою грязь.

Я делаю то же самое. В маршрутку передо мной лезет какая-то уродка в шубе из дохлых кошек. «Куда прешься, зараза?» — мысленно ругаюсь я. (Хотя в общем-то я довольно-таки вежливая и любезная. Порой даже детей называю на «вы»). Потом взгляд выхватывает из толпы какую-то бабку. «А тебя куда несет в час пик? Сидела бы дома у батареи, если они еще греют...» Потом все зло мира концентрируется на юнце с инфантильным выражением лица. Интересно, сколько невинных девичьих жизней он

перепортит, прежде чем заляжет на диване в ожидании жареной курицы под соусом тартар?

Этим утром (собственно, такое случается довольно часто) я не люблю мир. И ему на меня наплевать. Он знает, что слишком мал. Он мне тесен. В нем воняет бензином, носками, духами, селедкой. И нет места для сороковой симфонии Моцарта или для «Лакримозы». В нем нет места (и времени) для слез. Вообще-то я не плачу вот уже несколько лет — наверное, пять или десять. Такой себе робот на автопилоте... Надо же было прожить столько лет, чтобы понять, что смысла в жизни нет. И твоя судьба зависит лишь от того, сбросил ли какой-нибудь ангел перышко, пролетая над твоей колыбелью. Хорошо тем счастливицам, к которым прикоснулся он САМ. Но таких немного. Наверное, над моей детской кроваткой почистил свои взъерошенные перья кто-то другой, самый мелкий из божьей свиты воробей.

Иногда на меня накатывает мощная волна благотворительности. Тогда я раздумываю над тем, не собрать ли с улиц бездомных собак или не пойти ли работать в детский дом. Предложение (одной знакомой) поработать в доме скорби застало меня врасплох именно в такой момент.

«У тебя будет свой кабинет, — говорила знакомая. — Работа спокойная. Будешь вызывать к себе пациентов. Часок-другой поговоришь — и свободна! Все равно их вылечить невозможно! А единица такая в больнице есть.

Пусть это будешь ты». Я привыкла быть единицей и поэтому сразу согласилась.

И вот я еду в маршрутке, нацепив наушники и очки. Приступ благотельности прошел, а трудовая книжка уже лежит в сейфе главврача. Надо отбыть хотя бы пару недель.

Я еду. Смотрю в окно. Стараюсь не замечать, что на мое плечо оперся тот самый юнец с розовым лицом резинового пупса. В моих ушах звучит «Лакримоза». С нею я погружаюсь в вечность. И такие слова, как «дерьмо» или «сука», медленно испаряются из моего лексикона. Тетка в шубе из кошек мне уже почти нравится, старая дама вызывает жалость... Моцарт делает свое дело.

Кто-то может подумать, что я — несчастный человек. Ведь у благополучных только одна запись в трудовой книжке, у них есть семья, может быть, дачный участок. А я могу прожить семь пятниц на неделе. И несколько жизней в придачу, пока еду в этой маршрутке. Поэтому, думаю, возможно, сейчас и нашла свое место? В Желтом доме. В уютном кабинете с кушеткой и полукруглым столом. Неплохо, если бы это было так. Посмотрим...

На самом деле не так уж я не люблю этот мир. Я просто хочу перестроить его. Под себя. Для этого нужна незаурядная хитрость. Ведь постоянно приходится делать вид, что сама перестраиваешься под него. Чтобы не выделяться среди других.

Какая-то девочка напротив слишком пристально всматривается в мое лицо. Ее взгляд лишен случайного любо-

пытства. Я это знаю наверняка. Взглянув один раз, она просто сверлит меня глазами. Вернее сказать — поедает. Я даже чувствую, как мое лицо тает, как мороженое на солнце.

— Извините, — наконец нерешительно шепчет она, — это о вас статья в «Подиуме»?

«Подиум» — это иллюстрированный модный журнал.

— Нет, — говорю я, — вы меня с кем-то перепутали. Девушка в сомнении кивает головой:

— Да нет... На вас был вот этот перстень...

Кольца — это моя слабость. И если в мире много похожих лиц, то сочетание знакомого кольца со знакомым лицом — это уже вещественное доказательство. Цена моей славы — вот такие восторженные взгляды юных девиц, которые мечтают попасть в гляцевый журнал.

— Нет-нет, — повторяю я и отворачиваюсь к окну. Включаю музыку в плеере громче. Я хочу перевернуть эту страницу. Она слишком блестит...

Собственно, я еще ничего не сделала, чтобы привлекать к себе внимание. А все, что достигнуто, осталось в прошлой жизни, о которой не хочется вспоминать. Я давно уже ничего не пишу, но и сейчас слышу этот вездливый вопрос: «Как к вам приходят такие сюжеты?»

Для меня это очень сложный вопрос. Трудно объяснить нормальным людям...

Вот сейчас я смотрю на женщину в шубе из кошек. И меня потихоньку начинает тошнить. Бывают шубы из